

© Т.И. БОРКО

*Тюменский государственный университет
borkot@mail.ru*

УДК 398.2

**ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭМОЦИЙ
В АРХАИЧЕСКОМ ОБРЯДЕ**
**FUNCTIONAL SIGNIFICANCE OF EMOTIONS
IN THE ANCIENT RITE**

АННОТАЦИЯ. Рассматривая биологические корни ритуального поведения, в частности, эмоциональный фон, сопровождающий обрядовую деятельность, автор говорит об эмоциях как необходимом факторе утверждения в сознании и удержания в памяти значимых для существования социума смыслов. Посредством эмоций через механизм ритуального повторения закрепляются определенные формы поведения и фиксируются установленные значения, на основании которых формируются культурные ценности данного сообщества. Эмоции имеют значение также для познавательной и практической деятельности, способствуют личному усвоению опыта, определяя положительный и отрицательный характер освоения мира для индивида. В дальнейшем через ритуал индивидуальный опыт преобразуется в коллективный, поскольку дает образцы действий и примеры психологического реагирования на те или иные события. Ритуальные установления, нормируя и регулируя формы поведения, создают условия контроля над чрезмерными эмоциональными состояниями.

SUMMARY. The author analyzes the role of emotions in establishing and retaining social norms of the society. Ritual behavior has biological roots and is accompanied by intense emotions. Emotions revealed at regular ceremonies fix certain behavior and conventional meanings that are important for the formation of cultural values in a given society. Emotions also play a significant role in a man's cognitive and practical activities, they contribute to the absorption of personal experience by defining a positive or negative nature of cognition when a man is trying to know the world. As a ritual gives examples of actions and examples of psychological response to certain events, it serves to transform the individual experience into the social one. Regulating and standardizing types of behavior, ritual norms create conditions for the control of excessive emotional states.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Эмоции, обряд, ритуал, сознание, функции, смыслы.

KEY WORDS. Emotions, rite, ritual, consciousness, function, significance.

Усилившийся после исследований Дж.Дж. Фрэзера [1], [2] интерес к архаическим обрядам стимулировал изучение данного феномена в различных аспектах и областях науки, предопределив выход проблемы за пределы этнологических знаний. К изучению обрядовой деятельности подключилась социология, рассматривающая функции явления в обществе; семиология, выявляющая семантику обрядовых структур и образов; и, конечно, культурная антропология, в рамках которой возникло целое направление, называемое ритуалистической школой (Д. Харрисон, Т.Х. Гастер, Ф. Рэглан, Д. Фонтенроуз, С. Хьюман) [3]. Не разделяя взглядов ритуалистов на значение и роль ритуала как основы всех культурных установлений, все же подчеркнем его значимость у самых истоков культуры. Рассматривая функции обрядов, авторы данного направления склонны преувеличивать их значимость, возводя сам ритуал в ранг социального института, структурирующего мировоззрение и образ жизни древнего человека. И все же с ритуалистами следует согласиться в том, что корни ритуала усматриваются ими в биологическом, инстинктивном поведении. Условно говоря, ритуалы складываются из экспрессивных ритмических действий, которые в дальнейшем нуждаются в объяснении, что способствует появлению словесного сопровождения, благодаря чему возникают мифы. Тем самым утверждается первичность обряда по отношению к мифу. Подчеркивается его изначальность не только по отношению к различным видам искусства (поскольку обряд является собой музыкально-драматическое представление), но также и к другим формам деятельности.

Одним из древнейших ритуальных действ предполагается обряд принесения жертвы в дар духам умерших или духам природы [4]. Р. Жирар, рассматривающий акт жертвоприношения как механизм учрежденного социумом, разрешенного правилами коллективного насилия, утверждает, что подобный ритуал является «структурирующей силой всей мифологии, лежит в основе всех религиозных ритуалов, а возможно, и всех светских установлений и институтов, то есть всей культуры» [5; 33]. О связи священного с насилием говорит также В. Буркерт, усматривая истоки жертвенного акта в феномене охоты [6]. Биологические корни ритуала восходят, по его мнению, к стереотипным формам поведения животных: воодушевление и ярость, агрессия и чувство опасности. Аффективные состояния, вызванные видом и запахом крови при убийстве зверя, имеют тенденцию сохраняться длительное время. Именно чрезмерные эмоции заставляют запомнить физиологические ощущения, возникающие в данной ситуации. В дальнейшем отдельные детали, связанные с аффектом возбуждения (красный цвет, определенные шумы), становятся стимулом для повторного возникновения соответствующих состояний и поведения. Они действуют подобно сигналу, запускающему определенную реакцию организма уже независимо от ситуации. Так может возникнуть имитация охоты или иной трудовой деятельности, символическое воспроизведение движений. Из повторяемости действий рождается танец и ритм, на основе подражания акустическим звукам рождается музыкальное сопровождение. Преувеличенность чувств, эмоциональная возбужденность оформляют действия в ритуал. По мнению В. Буркерта, ритуалы гораздо древнее словесных сообщений и выросли они из агрессивных конфликтов с их шумом, ударами копий и нападениям.

Однако, на наш взгляд, обряд не может быть буквальной формой проявления бессознательных агрессивных побуждений. Экспрессивный крик выражает какое-либо внутреннее состояние, моторные движения не производятся просто так, но имеют какие-либо бессознательные мотивации. Чтобы стать обрядовыми, действия должны быть осознаны, хотя корни подобных действий кроются в естественных биологических реакциях организма. В основе осознания находится эмоциональное чувственное отношение к целесообразным для выживания, инстинктивно обусловленным действиям. Именно эмоциональное отношение, на наш взгляд, способствует формированию значений. И эти значения не могут быть установлены иначе, чем через опыт их восприятия. Чтобы опыт стал нуминозным, он должен иметь какой-то смысл, даже если смысл этот скрыт и не явлен. Переживание ярости и гнева, опасности и восторга при убийстве хищника, когда человек из объекта охоты превращается в преследователя-победителя, ужас, страх и, в конце концов, вознаграждение в виде добытой пищи — первоначальное содержание действий базируется на инстинктивных основаниях и, по всей видимости, связано с пищевыми запросами древнего охотника. Но даже повторяемые под воздействием нахлынувших аффектов, эти действия нельзя назвать ритуальными. Чтобы превратиться в обряд, недостаточно их периодического повторения, они должны 1) воспроизводиться с какой-либо определенной целью; 2) иметь общие для всех членов сообщества смыслы; 3) обладать какими-либо социальными функциями.

Каким-то образом на основе биологически обусловленных форм поведения возникают коллективные нормативные способы социального взаимодействия. Собственно, если говорить о ритуальных формах поведения животных (в том смысле, в каком говорят биологи, например, о брачных ухаживаниях), то следует отметить, оно возникает в ситуациях, особо значимых в жизни особи. Вероятно, у архаических ритуальных действий в человеческом сообществе тот же биологический смысл — отметить важные моменты жизни индивида или сообщества в целом. Вряд ли в первобытном обществе могло быть ясное осознание тех или иных событий, расцениваемых нами как обретение нового статуса, продолжения рода, но интуитивно эти события могли переживаться с чрезвычайной по интенсивности эмоциональной силой. То есть значимость жизненно важной ситуации могла быть отмечена единственным на те времена способом — чрезмерным усилением эмоций. Вероятно, самой природой заложены такие реакции человеческого организма на жизненно важный опыт, который должен быть закреплен в сознании с помощью эмоций для обеспечения выживания человеческого рода. По мнению И.П. Меркулова [7], аффективные тактики поведения, обусловленные доминированием правополушарной работы мозга, обеспечивали в те времена наиболее выигрышные максимально возможные способности к адаптации. Человек в состоянии эмоционального перевозбуждения был более успешным, поскольку его чувства обострены (лучше слышит, видит) и физические способности на подъеме (быстрее бегает, терпимее к боли). Исследователи архаического сознания (В. Вундт, Л. Леви-Брюль) склонны предполагать, что существование древнего человека в большей мере было подчинено аффективным состояниям. В современном понимании эмоциональность — исключительно индивидуальная характеристика человека, ассоциируется с личными переживаниями. Возникает вопрос, каким образом индивидуальные значения становятся ценностями для всего коллектива?

Разумеется, индивидуальный чувственный опыт не может быть основой обрядовой деятельности, хотя ряд авторов выводит ритуальное поведение из индивидуальной привычки. Согласно З. Фрейду [8], человек предпринимает какие-либо необычные действия, совершает необъяснимые поступки, создавая в сознании мнимую причинно-следственную связь по формуле: «Если я сейчас этого не сделаю, то произойдет несчастье», или «Если я совершу это, то мне повезет». Даже не будучи уверенным в эффективности действия, индивид склонен к его периодическому повторению. Так на основе привычки формируется паттерн, обеспечивающий стереотипное поведение в определенных, напряженных, требующих сосредоточенности и ответственности ситуациях, важных для данной персоны. Остается непонятным, как стереотипы индивидуального поведения становятся основой коллективного ритуала. Своего рода объяснение предлагает Э. Сепир [9]. По мнению исследователя, обычай поступать определенным образом перенимается другими представителями сообщества в случае, если он срабатывает и освобождает индивида от невротической напряженности. Автор говорит о существующей в культуре тенденции — стремлении связать первоначально независимые типы поведения в более крупные системы и найти какое-нибудь обоснование возникающих культурных обычаев путем бессознательного процесса их рационализации [9; 575-580]. На этом уровне у обычаев помимо психологической функции разрядки эмоций возникает новая функция — символическое утверждение солидарности данной группы. Воспроизведение и длительное существование обычаев превращает их в традицию. Собственно ритуал — формальная структура, обеспечивающая поддержание традиции.

Маловероятно, чтобы личный эмоциональный уникальный опыт находился в основе возникновения ритуальных действий, уже хотя бы потому, что большинство из них носит принудительный характер (например, обряды инициации). И если допустить такой ход рассуждений, мы должны были бы признать исключительно имитативную сущность обрядовых форм поведения. Человеческий модус воспроизводства определенных культурных установлений и умений заключается в том, что они передаются от поколения к поколению не путем имитации действий, механического подражания, но путем передачи знаний об этих вещах, о смысле действий. Скорее всего, превращение закрепленных обычаев из естественных реакций на биологические импульсы в культурные механизмы, регулирующие поведение членов сообщества, стало возможным в силу сходства этого первоначального аффективного опыта. «Если имеется какой-либо факт, твердо установленный антропологией, — пишет В. Вундт, — так это тот факт, что свойства человеческого мышления и чувства, и аффекты, влияющие на работу воображения, в существенных своих чертах одинаковы у людей под всякими широтами и во всех странах» [10; 294].

Собственно, идентичные образы восприятия обусловили сходство познавательного процесса всего человечества эпохи архаики. Возможность становления ритуалов как коллективной формы поведения обеспечивается не только общностью деятельности, но также аналогичностью эмоций, сопровождающих эту деятельность. Сходные эмоциональные переживания в условиях ритуального повторения оформляются в определенные значения и затем обрастают новыми социальными смыслами. В результате появляется универсальный опыт осмысления, объективированный в ритуалах и образах мифологии. Воображение

древнего человека рисует окружающий мир чудовищным и неизвестным. Архаическое сознание обнаруживает, что одни и те же вещи могут представлять всякий раз иначе, менять облик, характер, поэтому оно вынуждено пребывать в состоянии напряжения от встречи с неожиданным и непредсказуемым. Каждый взгляд на знакомый объект открывает все новые его качества, устанавливает ранее невидимые свойства, обнаруживая неповторимость, изменчивость, неопределенность. Уже знакомый мир каждый момент жизни показывается в новом ракурсе. Столкновение с неожиданным возможно даже в хорошо известной, обыденной и повторяющейся ситуации. Всякий раз, открывая новое в мире, в котором не существует двух одинаковых вещей и в то же время все похоже на все, архаическое мышление обязано делать громадные усилия, чтобы находить общее в единичных предметах. Но если всякий раз при виде одной и той же вещи видишь нечто новое, появляется опасность вообще не научиться распознавать предметы. Ориентироваться в мире, полном разнообразия, становится невозможным. В связи с этим особую значимость приобретает каноническая неизменность и постоянное повторение определенных действий, то есть ритуала.

Для архаичной и традиционной культуры свойственно упорное стремление к воспроизведению имеющихся образцов, стремление избежать отклонений, желание повторять и повторять прошлое по возможности в неизменном виде. Усилия, направленные на закрепление моделей поведения, кажутся современному человеку регрессивными, потому что мы замечаем в ритуале лишь консервативную функцию торможения. У истоков мышления повторению приписывается позитивный смысл. В условиях постоянного столкновения с иным, чуждым и неизвестным церемониальный образ жизни должен дать гарантию стабильности, равновесия. В условиях избыточного мышления, когда сознание порождает все новые и новые образы, повторение — это модель поведения, которая не позволяет прорваться панике и растерянности, удерживает наплыв негативных эмоций, останавливает обрушившийся на сознание поток значений, не давая им захлестнуть и утопить рациональные основы восприятия. Ритуал позволяет закрепить однажды возникшие значения и смыслы. Их запоминанию способствует чрезвычайная эмоциональная окрашенность, а длительная сохранность в памяти осуществляется посредством ритуального повторения. Следует сказать, что ритуалы позволяют закрепить в памяти и передавать не только теоретические знания, но также практические умения. Достаточно обратиться к этнографическим штудиям, чтобы заметить, с какой стабильностью в разных культурах возникают закономерности, при которых изготовление орудий или какие-либо ремесленные работы сопровождаются обрядами. Делается это не только в целях обучения и запоминания. Обряды в этом случае необходимы, чтобы придать значимость действиям, подчеркнуть их отличие от обыденного повседневного течения жизни, придать статус сакральных.

Обряд не есть механическое повторение одних и тех же форм поведения или имитация определенных действий. Он направлен на то, чтобы каждый участник всякий раз переживал символизируемые в мистериальном действе события, как произошедшие впервые и лично с ним. Обряд не напоминает о прошлом, он заставляет каждого проживать прецедент как факт собственной судьбы. Иначе опыт предков не усваивался бы каждым членом сообщества.

Обыденная жизненная практика всех поколений показывает, что никакие теоретические идеи не значимы для индивида до тех пор, пока они не подтверждены личным опытом и не пережиты эмоционально. В обряде теоретические смыслы усваиваются индивидом, так как воспроизводимая в нем ситуация воспринимается как реальность. Фактически это символическая реальность, но на уровне эмоций это реальность полная и абсолютная. Вообще-то аффективные состояния для участников обряда желательны. Можно предположить, что в древности в ритуальной деятельности намеренно использовались экстатические практики, провоцирующие обостренное восприятие, преувеличение всех чувств, а также создающие физиологические ощущения, убеждающие в достоверности происходящего. Эмоциональный фактор не только закрепляет в памяти индивидов определенные смыслы, но заставляет действовать в соответствии с утвержденными в сознании ценностями и нормами, предопределяя социальную значимость ритуалов и обрядовых форм поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Мифология и история религии. М.: Рефл-бук: Ваклер, 1998. 457 с.
2. Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1985. 511 с.
3. Обрядовая теория мифа (Д. Фонтенроуз, В. Бэском, К. Клакхон, С. Хьюман) / Сост., перевод, предисл. и прим. А.Ю. Рахманина. СПб.: Издательский дом С-Петерб. гос. ун-та, 2003. 216 с.
4. Токарев С.А. О жертвоприношениях // Религиоведение. 2002. № 3. С. 153-165.
5. Жирар Р. Насилие и священное. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 398 с.
6. Буркерт В. Номо Несанс. Жертвоприношение в греческом ритуале и мифе / Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 405-478.
7. Меркулов И.П. Когнитивная эволюция. М.: РОССПЭН, 1999. 310 с.
8. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Алетейя, 2000. 222 с.
9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. 656 с.
10. Мюллер М. От слова к вере. Вундт В. Миф и религия. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 862 с.

REFERENCES

1. Frazer, J.G. *Zolotaia vetv': Mifologiya i istoriya religii* [The golden bough: a study in comparative religion]. Moscow, 1998. 457 p. (in Russian).
2. Frazer, J.G. *Fol'klor v Vetkhom Zavete* [Folk-lore in the Old Testament]. Moscow, 1985. 511 p. (in Russian).
3. *Obriadovaia teoriia mifa* (D. Fontenrouz, V. Beskom, K. Klakkhon, S. Kh'iuman) [The ritual theory of myth]. St-Petersburg, 2003. 216 p. (in Russian).
4. Tokarev, S.A. The sacrifice. *Religiovedenie — Religion Studies*. 2002. № 3. Pp. 153-165. (in Russian).
5. Girard, R. *Nasilie i sviashchennoe* [Violence and the sacred]. Moscow, 2000. 398 p. (in Russian).
6. Burkert, W. Homo Necans. The anthropology of ancient Greek sacrificial ritual and myth / In: *Zhertvoprinoshenie: Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashikh dnei* [The sacrifice: ritual in art and culture from antiquity to the present day]. Moscow, 2000. Pp. 405-478. (in Russian).

7. Merkulov, I.P. *Kognitivnaia evoliutsiia* [Cognitive evolution]. Moscow, 1999. 310 p. (in Russian).
8. Freud, S. *Totem i tabu. Psikhologiya pervobytnoi kul'tury i religii* [Totem and taboo. Psychology of primitive culture and religion]. St-Petersburg, 2000. 222 p. (in Russian).
9. Sepir, E. *Izbrannye trudy po iazykoznaniyu i kul'turologii* [Selected writings in language, culture and personality]. Moscow, 2001. 656 p. (in Russian).
10. Mueller, M. *Ot slova k vere. Vundt V. Mif i religiia* [From the word to the faith. Wundt W. Myth and Religion]. St-Petersburg, 2002. 862 p. (in Russian).

Автор публикации

Борко Татьяна Иосифовна — профессор кафедры зарубежной литературы Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, доктор философских наук

Author of the publication

Tatiana Borko — Dr. Sci. (Philos.), Department of Foreign Literature, Institute of Philology and Journalism, Tyumen State University